

Е.П. Кучборская

Из книги:
ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – литературный критик:
К истории реалистического романа
во Франции
XIX века

(М., Издательство Московского университета, 1978)

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Бальзак и время»

III

*Не нужно следовать букве,
надо понять дух его творений.*

Э. Золя.
Из статьи «Человеческая
комедия» Бальзака»

«Нельзя допустить, чтобы реакция, сторонники прошлого присваивали себе наших великих людей и использовали их в своих целях»¹. Позиция Эмиля Золя полемически обращена против попыток принизить и ограничить реализм Бальзака, замалчивать или отрицать его наступательный, разоблачительный характер, широту его социального содержания; против тенденций изолировать великого романиста от его эпохи и рассматривать «Человеческую комедию» вне животрепещущих интересов времени, когда она создавалась.

С самыми высокими критериями подошел Золя к оценке этого крупнейшего явления литературы — критериями исторической правды. Его статьи и отдельные фрагменты, посвященные «Человеческой комедии», способны направить мысль читателя на самую суть творчества Бальзака как реалиста; критик раскрывает ведущие тенденции, наиболее последовательно выраженные в его романах; внимание Золя привлечено к тому, как освещает писатель роль каждого класса в социальном процессе. В этой гигантской фреске — «Человеческой комедии», где сосредоточено почти необозримое богатство типов и обстоятельств, каждый общественный класс имеет своих постоянных представителей, своего рода опорные образы, характеристики которых, благодаря сквозному построению «Комедии», разнообразию связей и отношений, приобретают особенную углубленность, многосторонность и историческую содержательность.

Всматриваясь в социальные границы мира, созданного Бальзаком, критик пришел к важному выводу: хотя «в этом мире широко представлены лишь буржуазия и

аристократия», кругозор писателя не замкнут пределами жизни господствующих классов. Золя ощутил в «Человеческой комедии» и иные социальные планы: силы, питавшие критический реализм Бальзака, сообщавшие его творчеству пафос обличения и страстного негодования. И хотя человек непосредственно из народа не появляется в роли героя Бальзака, однако «как отчетливо слышится вдалеке голос этого великого отсутствующего, как чувствуются под руинами прошлого глухие толчки...»².

Так Золя характеризовал почву, на которой развивалось в противоречиях и преодолении противоречий творчество автора «Человеческой комедии».

Критик учел отношение Бальзака к различным направлениям социально-политической мысли его времени, выступления писателя в защиту принципов наследственной монархии и католицизма, но при этом убедился: «Несмотря на свой роялизм и католицизм, он так изобразил дворян и буржуа, что убил их своей насмешкой и негодованием. Он опустошил все вокруг себя»³. Подойдя к «Человеческой комедии» со стороны ее противоречий, Золя не склонен был преувеличивать роль легитимистских идей в творчестве Бальзака; и здесь критик прав, поскольку в годы даже наибольшего увлечения писателя этими проблемами, они не вытеснили дух демократизма и свободомыслия из его произведений. «Кто утверждает это? «Человеческая комедия».

В этом смысле представляет интерес такое заметное отклонение от бальзаковского (далеко не ортодоксального) легитимизма, как повесть «Герцогиня де Ланже». Она звучит как своего рода пролог ко многим произведениям писателя, где речь пойдет об исторических судьбах дворянства.

Несколько страниц в повести «Герцогиня де Ланже» как бы приподняты над романтической коллизией и не касаются индивидуальных судеб героев. Эти страницы можно было бы назвать очерком; написанные в крупных обобщениях, они звучат публицистически и вносят очень существенные оттенки в социально-политические воззрения Бальзака в пору наивысшего его интереса к легитимистским идеям⁴.

Очерк-вставка посвящен Сен-Жерменскому предместью. Во все времена «у высших классов и аристократии Парижа был свой центр так же, как у простых людей Парижа всегда будет свой. Тому, кто хотел бы изучить или описать различные социальные слои, эта особенность... дает обильный материал для размышлений». Сословная обособленность касты, с ее претензиями на главенствующее положение в жизни государства, «на-

стоятельно требует, чтобы аристократическая верхушка обладала реальными, существенными ценностями».

В размышлениях автора слышится не столько сожаление об утрате дворянством своей исторической роли, сколько признание закономерности этого факта. Сопоставление привилегий дворянства и возможностей других общественных классов говорит не в пользу высшего сословия. Сохраняющаяся из поколения в поколение «привычка никогда не снисходить до мелочных повседневных расчетов и жизненных нужд», досуг, доступное с ранних лет разностороннее образование — эти реальные преимущества дворянства автор «Человеческой комедии» рассматривает как «социальную силу», равную которой другие сословия «с трудом могут приобрести упорными занятиями, постоянным напряжением воли, верностью своему призванию...». Казалось бы, жизненные блага, полученные по праву рождения, должны «возвысить душу человека», внушить ему «прежде всего благородство сердца, которое соответствовало бы благородству древнего имени. В некоторых дворянских семьях это так и есть...».

Но в данном случае внимание писателя привлечено не к этим «редким исключениям на фоне общего эгоизма»; его интересуют типичные стороны социальной психологии, например, такая вот «крупная ошибка» представителей высшего сословия, которые «из своего материального превосходства... всегда выводили заключение о своем превосходстве умственном». Внешние черты облика, говорящие о патрицианской избранности: аристократическая сдержанность, изысканные манеры, изящная речь, тонкий вкус — «достоинства ничтожные, если обращаются в основную цель жизни, вместо того чтобы быть ее придатком». Высокомерная замкнутая каста, где царят «личные интересы», где исключением является соответствие между политическим лицом и частной жизнью, утратила политические перспективы. «Чтобы оставаться во главе государства, надо быть достойным руководить им... Какое значение имеет маршальский жезл, если его не держит в руках действительный военачальник?» Вырождение моральное и умственное, отсутствие чувства действительности, бездеятельность, неспособность подняться до осознания государственных проблем — эти несомненные признаки упадка характеризуют сословие, историческая роль которого объективно исчерпана. Четкий анализ социального бытия французской аристократии ведет к столь же четкому выводу: «Дворянство отвергло логические основы своего существования», неспособно стать душой и мозгом общества. «Одной из величайших побед» реализма Бальзака Эн-

гельс считал то, что «он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи»⁵.

Это «полуполитическое обозрение», как назвал Бальзак страницы из «Герцогини де Ланже», дополнено мотивами из «Златоокой девушки» — повести с жестокой, сложной интригой, рисующей духовную и физическую деградацию аристократии.

Автора поразил контраст: в мире праздности и богатства он увидел изможденные лица, истерзанные тщеславием, излишествами; «безжизненные маски», искаженные «гримасой бессилия»; усталость, скуку и безразличие, прикрытые светской любезностью.

В романе «Модеста Миньон» Бальзак настаивал на своем праве историка показать «вырождение дворянского сословия». Жалкая фигура герцога д'Эрувиля демонстрирует многие признаки физической и духовной деградации. «Действительно, когда навеки уходит то, что некогда составляло вершину старого общества, остаются его осколки или «поскребыши», как сказал бы Рабле, и в наш век таких оглодков что-то слишком много среди французского дворянства».

Золя в произведениях Бальзака разных лет слышал серьезные сомнения писателя в жизнеспособности легитимистских принципов, убедился в непостоянстве его симпатий к наследственной монархии, ощутил кризис его роялизма. «Бальзак в своих книгах до крови исхлестал аристократию. На каждой странице он показывает ее беспомощной, впавшей в состояние агонии и разложения. Среди аристократов он находит или нелепые фигуры, или разбойников. Г-н де Морсоф — злой сумасшедший, а молодой д'Эгриньон — мошенник, подделывающий чеки»⁶.

Для критика не представлял интереса образ старшего маркиза д'Эгриньона. Воплощение гибнущего феодализма, он при всем его благородстве — явление уходящее и совершенно оправдывает слова герцогини де Мофриньез: «Вы здесь какие-то безумцы, вы все еще продолжаете жить в пятнадцатом веке, между тем как давно уже наступил девятнадцатый».

Критика интересуют суждения Бальзака о современном ему дворянстве. Романист показал, что надежда легитимистского лагеря — его молодое поколение — в новых исторических обстоятельствах решительно не в состоянии достойно представлять сословие: оно не выдержало искушений, развращено буржуазией, перерождается... Место младшего д'Эгриньона Бальзак видит в толпе «слабоумных и ничтожных аристократов», которых «трудно пересчитать...» — так передает Золя свое

устойчивое впечатление от данной группы дворянских персонажей в «Человеческой комедии».

* * *

Бальзак увидел судьбы дворянства дифференцированно, в исторических конкретных переходах и формах. Вростание дворянства в новый, буржуазный уклад, соответственная внутренняя его перестройка в капиталистическом духе — этот процесс приспособления отражен во многих романах Бальзака. Дворяне в «Человеческой комедии» не пытаются включиться в прогрессивную линию буржуазного развития. Для них типично стремление приобщиться к деятельности крупных финансовых кругов, к дележу добычи, не участвуя в ее непосредственном добывании: вернейший способ приобщения — политическая карьера. На политическом поприще честолубивые дворянские лидеры наилучшим образом представляют интересы финансовых королей — Нусингенов, Тайферов...

Как «опора трона и алтаря» интересуют Эмиля Золя эти бальзаковские персонажи. «Разве не знаете вы авантюристов от политики, всех этих де Марсе, Растиньяков, Ла Пальферинов и им подобных, этих прогнивших дворян, ничтожеств в белоснежных перчатках?..» Для критика важна их социальная функция, их роль в судьбах страны. Когда эти «потрепанные прожигатели жизни» занялись своей карьерой и «ловким пируэтом... бросились в политику, то и с Францией стали обращаться, как с девкой...»; на действиях этих персонажей лежит отпечаток их личности. «Ведь Ла Пальферин прошел через все стадии постыдного унижения, а де Марсе и Растиньяк всегда готовы получить пощечину». Критик, беря аргументы у самого Бальзака, характеризует эту группу в смелых и точных обобщениях: «В политике они ведут себя, как в любви. Они покупают и продают. Иногда они пускают в ход кулаки...» Рассчитывая на те свойства своей натуры, которые уже принесли им столько выгод, «они решили соблазнить Францию. Они думают даже, что соблазнили ее...»⁷.

Критиком, несомненно, учтено исключительно важное наблюдение Бальзака, касающееся того общественного круга, в котором объединились де Марсе, Растиньяк, Ла Пальферин и прочие: при их активности и даже агрессивности у них атрофированы гражданские чувства; патриотические идеи не имеют никакой почвы в среде, где «все... испорчено до мозга костей расчетливостью, развратом, грубым стремлением к житейским успехам, и при внимательном исследовании можно обнаружить,

что все они страдают *каменной* болезнью ... сердца ... Кажется, все они одинаково равнодушны к несчастьям и бедствиям своей отчизны».

На глазах у читателей вырисовывалась постепенно вся «безграничность» натуры де Марсе, позволявшая ему становиться «выше общепринятых законов, предвзятых идей, укоренившихся предрассудков, общепризнанных условностей...». По своему глубочайшему аморализму — подлинное порождение режима Реставрации — де Марсе был вполне отшлифован, чтобы выступить в роли «опоры» правительства буржуазной монархии, которая «была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства»⁸.

Дворянин де Марсе хорошо умел считать, что и доказал в повести «Брачный контракт», делясь с Полем де Манервиль своими планами завоевания политического успеха («Мы с тобой — два игрока, кидающие ставки на зеленое сукно политики»). Женитьба на наследнице лондонского пивовара, чье «единственное преимущество» — миллион, увеличит шансы де Марсе. «Я буду обладать богатством, нужным для всякого, кто хочет вести крупную игру... в бирюльки».

Зигзаги политической карьеры графа Максима де Трайя вывели наконец к удаче. В романе «Беатриса» он объявил: «...становлюсь опорой правительства. Решил, видите ли, сменить кожу...», изменить образ жизни, жениться. «Ничего не поделаешь, надо принести жертву на алтарь общественного мнения». О том же сообщил автор в предисловии к повести «Пьеретта»: «Один из самых опасных наших холостяков» вступает в круг остепенившихся, благонамеренных людей, будет, очевидно, преуспевать, станет «отменным депутатом», опорой нации...

Именно такой путь (например, у де Трайя) осознается автором как закономерность, соответствует логике характера и логике действительности, и другой судьбы этому персонажу он предложить не может. «Так было пред-на-чер-та-но!» — сказал Бальзак. «Блестящее соединительное звено между обитателями каторги, и людьми высшего света», де Трай всю жизнь будет балансировать на невидимой линии, соединяющей эти два мира.

Когда однажды встретились два соперника, два светила — «одно на ущербе, а другое — восходящее», Ла Пальферин, услышав цифру долгов де Трайя, «снял шляпу скорее с уважением, чем с насмешкой». Действительно, «король парижских прожигателей жизни», промотавший на своем веку больше денег, «чем за это время награбили будущие обитатели четырех каторж-

ных тюрем Франции», расточал в год не менее ста тысяч франков, не имея ни поместья, ни ренты.

Рамки сцен частной жизни с самого начала были тесны для «опасных талантов» Максима де Трайя, который с волшебным искусством опутывал свои жертвы, будь то влюбленная в него женщина или нотариус. Его задатки могли быть оценены наиболее выгодно для него в сфере политической жизни: он интриговал в пользу бонапартистских кругов и против них, с «чудовищным безразличием» мог «сеять смуту в народе и участвовать в придворной интриге с целью укрепить королевскую власть», предлагал свои услуги Бурбонам и примыкал к заговорам, рожденным борьбой между старшей и младшей ветвью.

Когда де Марсе сделал карьеру министра, «он исправил ошибки тех, кто не сумел оценить этого человека». Выдвигая де Трайя «ради своих целей», де Марсе приобщил его к «европейским делам»; впрочем, применять свои таланты тому пришлось «только за кулисами». Де Марсе давал ему «тайные поручения, для которых нужна совесть, обработанная молотом нужды, ловкость, готовая на все, бесстыдство и особенно хладнокровие; нужны дерзость и верный глаз, присущие бандитам мысли и высокой политики».

Трудно было с большим презрением отозваться о политических нравах буржуазной монархии, чем это сделал Бальзак, снова выпустив Максима де Трайя на арену государственной деятельности в момент, когда он неотвратимо опускался на дно.

О степени наконец-то пришедшего к нему успеха может сказать не столько незаконченный роман «Депутат от Арси», сколько другие произведения 40-х годов. В «Комедиантах неведомо для себя» он — депутат, имеющий «все шансы стать посланником», и в интригах палаты чувствует себя, «как рыба в воде». Деятельность на государственном поприще не потребовала от де Трайя отказа от свойственного ему цинизма. «Чтобы доказать искренность намерений конституционного правительства, нам приходится с невероятной бойкостью лгать самым наглым образом, — смеясь признавался министр Эжен де Растиньяк. — Бывают дни, когда я вру, как театральная афиша». Де Трай в таких случаях говорил: «Это не называется лгать, ... это называется «прикрывать корону», «оказывать услуги».

Бальзак видит известную преемственность нравов, понятий у разных поколений дворянства, готового «оказывать услуги» буржуазной монархии: за де Трайем стоит молодой Ла Пальферин. «Мне никогда не сравняться с вами», — почтительно говорил принц богемы

Максиму де Трай. Но он скромничал. Как знаток оценил его возможности де Трай: «У вас смелый ум, у вас ума даже больше, чем смелости, вы можете пойти очень далеко, сделать карьеру в политике... вы единственный пришлишь мне по душе».

В романе «Беатриса» совершается «метаморфоза» — превращение «куколки в бабочку»: беспечный повеса, который жил «как птица», носился по Парижу, «как дикарь за добычей», и «с мужеством Дантона отбивался от кредиторов», заплатил долги, вступил в Жокей-клуб, оделся у лучшего портного... Карьера графа Ла Пальферина, выступившего в роли подручного де Трайя в сомнительной аванюре, только начинается.

«Сей юный кондотьер» аристократизмом происхождения, тонкостью воспитания превосходит де Трайя, но его старинный графский титул Бальзак сравнивал «с древней скалой, увы, лишенной малейшей прожилки благородного металла». Голубая кровь не в силах придать какую бы то ни было человеческую ценность личности Ла Пальферина. Совершенная внутренняя опустошенность, циничное безразличие к средствам достижения жизненных благ как бы уравнивают «начинающего авантюриста» с опытными игроками. «Ла Пальферин мне не уступит, — отчески признавал граф Максим де Трай, — он делает огромные успехи».

* * *

Растиньяк, типичнейшее воплощение беспринципного союза большей части дворянства с финансовыми верхами, составляющего специфику Июльской монархии, ближайший соратник новой буржуазии, один из столпов политического строя, что представляет собою он как фигура государственная? В этом герое критика заинтересовали не первые шаги его восхождения к успеху, не первоначальные душевные свойства, поступки, в которых еще обнаруживались «следы совести». Внимание Золя привлечено к Растиньяку той поры, когда уже казался опыт, приобретенный им в свете, и виден результат его приспособления к буржуазному миру.

«По своим личным убеждениям я принадлежу к аристократии, а по своим общественным взглядам — к Июльской монархии», — говорил Растиньяк. Что побудило потомка древнего, некогда процветавшего дворянского рода отдать свои общественные симпатии буржуазной монархии? По-видимому, все конкретное содержание эпохи, принесшей безраздельное господство финансовой аристократии. «Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государствен-

ные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками»⁹. Знаменитая фраза Лаффита «Отныне господствовать будут банкиры» относилась, конечно, и к прототипам барона Нусингена.

Для Растиньяка «истинный размах» Нусингена долго оставался тайной, но в конце концов юный честолюбец стал «искренне и серьезно поклоняться» этому человеку, «признав в нем силу», угадав, что супруг Дельфины Нусинген поможет ему разбогатеть сразу. В повести «Банкирский дом Нусингена» рассказ Бисиу дает возможность проследить «за всеми ручейками, слившимися в сорок тысяч франков ренты Растиньяка»: часть этой суммы составили приобретения, полученные в результате третьего по счету, изобретательно организованного банкротства Нусингена. «Чтобы пустить в ход столь сложную машину, Нусингену потребовались, конечно, марионетки». А у Растиньяка дух захватывало при виде сотни счастливых семейств, безмятежно уверенных в прочности своего благосостояния. Он чувствовал «дрожь, словно молодой генерал, окидывающий взглядом армию перед первым своим сражением».

«Простаки с капиталом» лишились его, пополнив кассу Нусингена. Боденор, д'Альдригеры, д'Эглемон, Дерош, Матифа и множество других — Растиньяк «дергал тогда за ниточки все эти фигурки».

Уже в «Отце Горио» показана основа, на которой укреплена будет конструкция успеха Растиньяка, и денежного, и политического. Помимо уроков Вотрена и г-жи де Босеан, сам Растиньяк, при всем своем небольшом жизненном опыте, постигал суть «правил игры», которыми впоследствии искусно воспользуется. «Он предугадывал, что в сложном механизме всеобщих материальных интересов необходимо уцепиться за какую-то систему его колес, чтобы оказаться в верхнем отделении машины; как этого достичь — он сознавал не очень ясно, но чувствовал себя достаточно крепким, чтобы стать спицей в ее ведущем колесе». Растиньяку в эту пору доступны были и не эгоистические чувства (чаще, как порыв), но доминанта в его образе наметилась ясно. «Эжен еще не стал таким политиком, чтобы любое положение перевести на цифры, все расценить и подсчитать; эти мысли только плавали еще на горизонте в виде легких облачков и не были так грубо откровенны, как суждения Вотрена, но если их прожечь в горниле совести, остаток получился бы не чище».

Люсьен в «Утраченных иллюзиях» с завистью и сожалением признавался: «Я дал себя увлечь поэзии», а Растиньяк «оказался более положительным и ударился в дела». Именно такой взгляд на политическую карьеру

еру сохраняется и у самого Растиньяка. Начав с должности помощника статс-секретаря в «знаменитом министерстве покойного де Марсе», он к 1839 году («Депутат от Арси») второй раз занимает министерское кресло, получает графский титул, возвращает блеск своей фамилии. «Считалось, что в будущих правительственных комбинациях без него не смогут обойтись». О полной политической всеядности свидетельствуют слова Растиньяка, достигшего богатства и высот карьеры: «Разве я теперь не был бы пэром при любом режиме?»

К слиянию с буржуазным миром, к абсолютному усвоению его писаных и неписаных законов пришел, освободившись от необременительного, впрочем, багажа дворянских идей и принципов, этот. «великий человек от политики».

Критик обратил к автору «Человеческой комедии» слова, в которых слышится глубокое понимание и противоречий Бальзака, и исторически перспективного направления, разрешающего эти противоречия: «Как, вы столь безжалостно бичуете этих людей и вы же требуете, чтобы дворянство окружало трон? Но ведь у этих никчемных людей в жилах течет лишь вода да грязь; вы сами это утверждаете, и вы же так бурно этим возмущаетесь. Значит... вы согласны, что живые силы нации надо искать не среди этих людей и что аристократии, испорченной до мозга костей, суждено лишь бесславно догнивать»¹⁰.

Золя увидел в книгах Бальзака то, что в них действительно заключалось: не только мастерское воспроизведение эпохи, но реагирование, ответ на нее. Как воспринял критик угол зрения романиста, изобразившего «опору нации» — дворянство в ходе истории? Он писал о «Человеческой комедии»: «Это произведение сокрушает короля, сокрушает бога, сокрушает весь старый мир, хотя сам Бальзак об этом как будто и не подозревает...»¹¹.

¹ Э. Золя. Собр. соч., т.26, стр. 289.

² Там же, стр. 285.

³ Там же стр. 286.

⁴ См. О. Бальзак. Собр. соч., т. 7, стр. 151 – 158.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 37.

⁶ Э. Золя. Собр. соч., т. 26, стр. 285.

⁷ Там же, стр. 288 — 289.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр.10.

⁹ Там же, стр. 8.

¹⁰ Э. Золя. Собр. соч., т. 26, стр. 285.

¹¹ Э. Золя. Собр. соч., т. 25, стр. 392.